

18+

Сергей Неллин

**ЧУМА ХХІ ВЕКА,
или
НОВЫЙ ДЕКАМЕРОН**

Навеяно созерцанием угасающих образов
прошлого столетия из окна,
выходящего в будущее

Сергей Неллин

**Чума XXI века, или Новый
Декамерон. Навечно
созерцанием угасающих
образов прошлого столетия из
окна, выходящего в будущее**

«Издательские решения»

Неллин С. И.

Чума XXI века, или Новый Декамерон. Навеяно созерцанием угасающих образов прошлого столетия из окна, выходящего в будущее / С. И. Неллин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566482-2

Десять дней, десять приятелей и их историй-воспоминаний об авантюрах молодости, любви и дружбе, сострадании и благородстве, ошибках и мудрых выводах, многие из которых приправлены юмором и пикантными подробностями. Книга с первых строк погружает в атмосферу доверия и духа приключений. И вот вы уже мысленно сидите рядом с её героями, внимая каждому слову и проникаясь чудом таких непохожих друг на друга человеческих жизней...

ISBN 978-5-00-566482-2

© Неллин С. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
День первый	9
Новелла первая	9
Новелла вторая	13
Новелла третья	15
День второй	18
Новелла первая	19
Новелла вторая	21
Новелла третья	23
Новелла четвёртая	27
Новелла пятая	29
Новелла шестая	34
Новелла седьмая	35
Новелла восьмая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Чума XXI века, или Новый Декамерон Навечно созерцанием угасающих образов прошлого столетия из окна, выходящего в будущее

Сергей Ив. Неллин

© Сергей Ив. Неллин, 2023

ISBN 978-5-0056-6482-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сострадание – величайший дар, и если уж тебе, дорогой читатель, посчастливилось, благодаря его наличию в твоём багаже, быть хотя бы в этом схожим со своим Создателем, призываю тебя вместе со мной почаще воздавать хвалу Всевышнему, задумавшему нас по образу и подобию своему, бесконечными, как бесконечен и сам путь осознания этой бесконечности в себе. Время исканий удлиняет путь ищущего, и поэтому повода предаваться унынию нет. Но зато есть повод слегка отстранённо посмотреть на ближнего своего и ответить, наконец, на вопрос, сделал ли ты для него всё, что позволяют тебе твои скромные силы и возможности, и не будет ли тебе мучительно стыдно обнаружить, что именно твоего одобрительного взгляда и неравнодушного совета однажды не хватило плетущемуся по соседней с тобой тропинке брату или сестре, да и просто соседу по планете!

Зачем же обвинять в равнодушии совсем незнакомых людей, спросит нетерпеливый читатель. Дорогой мой нетерпеливый читатель! Я собрался написать большую книжку, и не следует думать, что побудительным мотивом любой моей записи служит что-нибудь, кроме сострадания. Сострадания и ещё одного чувства, присущего русскому, – чувства благодарности. К читателю, к тому, кого он, автор, вольно или невольно, по глупости, незнанию, но без всякого злого умысла задел, к вымышленным и реальным персонажам, ко всем, кого он считал необходимым упомянуть в этой книжке. Я давно уже уверен в том, что именно эти два чувства и заменяют нам, русским людям, национальную идею, не озвученную никем, возможно, по той простой причине, что «высказанное Дао уже не есть Дао» (какой-то очень мудрый китаец, очень давно ©)?

Примечание автора: **Дао** (кит. буквально «путь») – одна из важнейших категорий китайской философии. Конфуций придал ей этическое значение, истолковав, как «путь человека», то есть нравственное поведение и основанный на морали социальный порядок. Наиболее известная даосская интерпретация Дао содержится в трактате Дао Дэ Цзин: «Дао вечно и не имеет имени» (определение найдено автором в открытом источнике).

Одно из первых упоминаний о глобальной эпидемии на европейском континенте мы найдём в известном произведении эпохи, предшествующей Возрождению:

«Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения сына божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума!» (Джованни Боккаччо. Декамерон). В результате чумы число умерших, по данным епископа Анджело Аччъяйоли и приоров, составило 96 000 человек. Что-то подобное постигло славную Флоренцию ровно через 672 года, регион Тоскана потерял в общем 7105 человек, Италия в целом 279000, а Россия в первую волну пандемии на конец 2020 года недосчиталась 198996 человек. Их могло быть на данный момент все 198997, но автор этих строк 1 декабря 2020 года, неожиданно для самого себя, проявил недюжинную волю к жизни и переломил ход событий, в плане которого его имя уже было передано на рассмотрение местному архангелу, составляющему ведомость смертей и рождений. Всю предыдущую неделю он (то есть я, я, не архангел же, на самом деле!) добросовестно выполнял на дому предписания врача, диагностировавшего у меня двухстороннюю пневмонию, ловко делал сам себе укол «Цефтриаксона» в ягодичные мышцы и «Клексана» в живот в моменты, когда любимой мною хранительницы моего здоровья и нашего очага не было рядом. Но скоро стало очевидным, что усилия, необходимые для таких простых и ранее незаметных действий, как вдох и особенно выдох, стали слишком мучительными. При неаккуратном выдохе грудная клетка норвила сорваться в неуправляемый и изматывающий кашель, и попытки унять его требовали таких усилий, что

прекращение приступа казалось настоящим чудом. Стоит обратить внимание читателя на одно смешное заблуждение – то ли вполне законная вера в справедливость добра, то ли наличие в любимой игре от Бенуа Сокаля «Сибирь» кнопки «рестарт», сыграли со мной нехорошую шутку. Вызвав скорую, я излишне расслабился и стал ждать, что, переступив порог антиковидного госпиталя, тут же обрету положенное каждому владельцу полиса ОМС облегчение. Приехавшая за мной врач скорой была в костюме полной защиты, сквозь запотевший пластик было видно, что ей не намного легче, чем мне, и по дороге она успела рассказать, что и сама не так давно перенесла вирусную пневмонию. Через несколько минут мы с ней сидели в небольшой очереди на КТ, пройдя которую, я узнал, что у меня КТ-2, и по выражению лица Лены, а именно так звали девушку, понял, что мои дела могли бы быть и получше. Такое же выражение было и у моих соседей по четырёхместной палате, двое из них были частично парализованы вследствие перенесённого инсульта, однако и они, миновавшие, пусть и с потерями, пик кризиса, глядели на меня с неожиданной для их положения жалостью. Ещё не понимая причин этой жалости, я некоторое время храбрился, мужественно лёжа на животе и дыша кислородом из пятилитрового концентратора. Шла уже пятая или шестая из бессонных ночей, сопровождавших течение моей болезни, и ближе к утру на меня снизошёл долгожданный сон. Он был не очень крепкий, время от времени сосед справа, одержимый чаем и печеньем, ронял что-нибудь на пол, и мне приходилось наклоняться и доставать из прохода между кроватями его ложку или упаковку печенья, регулярно выпадавшие из его непослушных рук. В очередной раз очнувшись от забытья, я понял, что на этот раз дело не в беспокойном соседе. Было ощущение, что только что на мою кровать сели трое. Кто-то по очереди устраивался у меня в ногах, и я, ожидая увидеть как минимум консилиум из трёх врачей, открыл глаза. Сквозь витражное окно палаты на противоположной стене коридора был виден крест. Я старался разглядеть сидевших между мной и этим крестом, но видел только его. Будучи довольно далёким от предрассудков, не связанных с авиацией и моей дачей, даже в этом полубреду я сознавал, что вижу тень креста на куполе больничной церквушки. Но меня больше волновало другое – кто сидит у меня в ногах и почему их не видно... Моё состояние не осталось незамеченным моими выздоравливающими соседями, кто-то из них нажал кнопку, и ещё до восхода солнца я очутился в огромной палате, где у меня был личный кислородный диспенсер. Скорее всего, именно его кислорода, в количестве двадцати литров в минуту, мне не хватало для жизни. Вскоре я начал дышать свободнее, ушла мучительная головная боль, и уже к завтраку я был готов к лёгкому труду и обороне, а после обеда, попросив у нового соседа, Володи Плетнёва, тапочки, первый раз за эту неделю принял душ. К вечеру привезли мои вещи из злополучной палаты реанимационного отделения, и стало ясно, что моё выздоровление стало неизбежным. Последовавшие за этим недели в стационаре сейчас вспоминаются почему-то, как приключения Адама в раю до изгнания его вместе со своей подружкой. Так, без очевидных сегодня, через полгода после болезни осложнений, как будто бы закончилась эта история. Неясным для внимательного читателя осталось лишь то, что за предрассудки связаны с моей дачей, и когда-нибудь, возможно, я расскажу и об этом. Хотя будет ли ещё для этого удобный случай? Пожалуй, расскажу об этом сейчас, чего уж тянуть! А всё дело в том, что дачу в своё время мы купили у моего шапочного знакомого, про которого ходили слухи, будто бы он вращается в криминальных кругах, и новые соседи по даче, которых он, по-видимому, держал в строгости и ежовых рукавицах, ещё долго бурчали, что на участке полно прикопанных покойников. Цена этим слухам, как любил повторять приятель Швейка из моей любимой книги, трактирщик Паливец, – дерьмо, но однажды тёмным октябрьским вечером я подзадержался, выкапывая неслабый пенёк от засохшего абрикоса. Было темно, место раскопок освещалось лишь жёлтой кухонной люстрой через окно, в морозном воздухе звуки были отчётливы, и их было два – скрип треснувшего черенка лопаты у меня под ногой и голос Ольги Кокорекиной из телевизора в доме сторожа, через пять участков от моего дома. Видимо, скептицизм мой по поводу покойников был напускным, и, когда

откуда-то из глубины участка раздался негромкий женский стон, его как ветром сдуло. На полу-согнутых ватных ногах я честно обошёл участок, подсвечивая дорогу телефонным фонариком. Во время обхода мне каждую секунду хотелось прыгнуть в машину и дать газу, но я, убедившись, что на участке никого нет, упрямо пошёл рыть свою яму. Ноги не гнулись, и тело, само по себе, как стрелка компаса, согласно было находиться исключительно лицом к источнику этого страшного звука. Когда стон повторился, я всё же малодушно запрыгнул в машину и рванул на выезд, не выключив свет на кухне и даже не прикрыв за собой ворота...

Итак, теперь, когда читатель убедился, что автор не чужой на этом празднике смерти, я готов открыть тебе, вдумчивый, добрый и благодарный читатель, свой скромный замысел! Именно для тебя, так как ты и только ты есть моё единственное драгоценное сокровище, я, призвав на помощь своих друзей, загляну в самые одинокие лачуги и самые сверкающие дворцы, в которых такие же, как и мы с тобой, такие же бедные и весёлые, несметно богатые и угрюмые люди готовятся к своему последнему походу или благодарят Создателя за своё чудесное исцеление!

Происходили ли в действительности события, описанные в моём рассказе, в котором десять моих приятелей успели за эти страшные месяцы потерять друзей и знакомых и обрести веру в Божий промысел, мне до конца не известно. Как неизвестна и причина моих ежедневных походов по одному и тому же маршруту, и их изрядный детерминизм, граничащий с банальностью. Так или иначе, устав от ежедневного ожидания чёрной метки, они приняли решение, давно лежащее у каждого на самом вершине сознания, поверх резонного мотива собирать в житницы, пока не оскудеет рука дающего. Для этой великолепной десятки таким решением стала Путорана. Эта земля обетованная, свободная не только от зловредных вирусов, но и от любой напасти, бережно взлелеянной тысячелетней историей страстей человеческих.

Скоро сказка сказывается, а дело, особенно у таких героев, как мои товарищи, делается ещё быстрее. Сергей, Вадим, Марина, Костя, Варвара Яновна и Юрка, а так же Наташа, Андрей и Леночка не были «дочками миллионеров». Определённые богатства свалились им на головы не с бухты-барахты, и, хотя рассказ об этом не входит в мои планы, стоит подчеркнуть, что каждый из этой рафинированной десятки был убеждён в одном – деньги пахнут! Возможно, по этой причине клич, кинутый ими в среде друзей – олигархов, генералов и просто хороших, но влиятельных людей, не замер вдали. Через короткое время Косте позвонил школьный друг и сообщил, что в промзоне пригорода Норильска уже стоит модульная жилая конструкция, что у них есть две недели на подготовку экспедиции и что окно вылета – с третьего по седьмое февраля.

– Если компания не против, я в деле, если против, будем соседями, – добавил Евгений. Седьмого февраля красавец Ми-26 выгрузил несколько десятков тонн добра в живописной долине реки Микчангды и улетел восвояси, а на вопрос, сколько это стоило, Евгений просто ответил, что они нам ещё должны остались, чем снискал у компании дополнительную порцию восхищения.

День первый

Девочки, мальчики...

Новелла первая

Андрей рассказывает о доброте

Первому рассказывать свою историю выпало Андрею. В прежней жизни он успел перепробовать великое множество профессий, всегда при этом мечтая лишь о писательском ремесле, по этой причине всегда с некоторой иронией глядя на себя и своих товарищей со стороны. Ирония, впрочем, была доброй и никогда не пересекала границ, отделяющих её от сарказма. Проверая ведомости продаж, понукая нерадивых дебиторов поскорее погасить задолженность или давая указания своему работнику, будь то сторож, продавец или лётчик, он неизменно подтрунивал над собой, считая единственным достойным занятием написание книги всей своей жизни под рабочим названием «Теория ошибок». Книга продвигалась медленно, но с каждым пролетевшим годом уверенности в нужности работы над книгой прибавлялось, и хотя взяться за неё удавалось редко, жизнь исправно снабжала материалом, и ошибки следовали за ошибками. Одной из причин медленной работы над романом была его кипучая деятельность сразу в нескольких направлениях и осознание того, что, прекратись она сейчас, писать станет не о чем.

Сейчас, глядя на своих товарищей, он начал рассказ о своём близком друге, не вполне понимая, какой отклик и какое сочувствие получит он от них.

– Всякое односвязное компактное трёхмерное многообразие без края, – начал Андрей, – гомеоморфно трёхмерной сфере. Почему-то именно гипотеза старика Пуанкаре приходила в голову моему другу Олегу, авантюристу и неисправимому романтику, о котором пойдёт речь, каждый раз, когда он, с непреходящим восторгом и трепетом, становился свидетелем нового чуда. Сегодня этим чудом была Таина, она часто проносилась мимо него, напоминая кругленькое облачко на двух длинных нитках, из которого рос тоненький стебелёк её талии, и грациозное шевеление этих нитей быстро уносило её вскинутую головку в неведомую даль. Справедливости ради, даль была не такой уж неведомой, Олег был поверхностно знаком с её мужем и даже оказал ему как-то небольшую услугу. А в этот раз был вечер в компании друзей, и Олег с Таиной сидели друг напротив друга, и муж Таины был в командировке, а жена Олега была в Польше по ей одной известным делам. Можно ли назвать поведение его легкомысленным в этот и все предыдущие вечера, вместе с последующими за ним, это большой вопрос. Слишком внимательно он относился к людям, предметам и явлениям, однажды вовлечённым в его орбиту, а предложение проводить девушку без спутника домой было вполне понятным поступком воспитанного человека.

Возможно, искушённый читатель со сложившейся системой ценностей с негодованием закроет книжку, узнав о том, что через пару часов Олег с Таиной уже рассказывали друг другу истории своих замысловатых жизней, а за несколько минут до этого Таина наконец прекратила часто-часто выкрикивать его имя и убежала куда-то, вернувшись с загадочной улыбкой на лице, мокрой головой и чаем с конфетами на бамбуковом подносе с дырочками... Да, мой

дорогой искушённый читатель, этому моменту предшествовала длинная история жизни Олега, некоторые аспекты которой требуют уточнения.

За пятнадцать лет до описываемых событий Олег спал в конференц-зале завода имени Сахарова. Спал после ночной смены, сидя в первом ряду в жёлтой майке с синими цифрами. Вообще-то это была практика после первого курса, и его рабочим местом был балансировочный станок в цехе механообработки, но ушлый староста потока подписался на ремонт мягкой кровли над производственными цехами, с которой было видно, что тракторные движки в меню завода были чем-то вроде прикрытия, а вся территория его была занята танками. Детство босоное заканчивалось, молодая художница Лариса, хранящая в конференц-зале свои плакаты и кисточки, уже давно заметила Олега, и, проснувшись, он увидел прямо перед собой насмешливый взгляд. Лариса, яблоко от яблони живописи семидесятых, была само очарование интеллектуальной игры в намёки и аллюзии. К этому времени Олег уже успел влюбиться в сокурсницу Алёну с многочисленными вытекающими последствиями, но богемный мир новой подружки закружил его, в ритме своего индивидуального нарциссизма она открывала ему одну за одной простые тайны привязанных к ним органов, одной из которых был выплеск гормонов под рёв взлетающего Ту-134! Лариса была опытной женщиной и однажды выболтала Олегу то, о чём в силу неопытности ещё не подозревала его первая любовь Алёна. Он тоже не знал, что далеко не каждый молодой человек может похвастаться стрелой Амура, способной запросто выглянуть из-под ремня брюк в самый неподходящий момент. Эта странная дружба к осени сошла на нет, конечно же, причиной разрыва была не эта информация. Просто Алёна простила Олега, а Лариса, погоревав пару дней, поняла, что никакого гуманистического или философского содержания в их союзе не было, пошла на поводу у собственного эстетства и рассказала об этой особенности своего друга первой красавице на курсе Ольге.

«Плохие новости скачут, как блохи, а хорошие и так ясны» (БГ, Капитан Воронин). Поэтому жизнь Олега после практики несколько изменилась. На первой же сессии он вынужден был сдавать динамику полёта на дому у Сталины Ильиничны, а английский у Фаины Юрьевны. Сталине было пятьдесят, и, пропустив экзамен по неуважительной причине, Олег буквально вымолил у строгого препода разрешение прибыть с хвостовкой в любое удобное для неё время. Благодаря своей худобе он всегда вызывал слезу жалости у своих бабушек, вот и Сталина Ильинична, взглянув на тощего двоечника, сразу отвела его на кухню. После ужина, на удивление придиричиво прогнав его по билетам, она поставила не дежурную тройку, но полноценные пять баллов, и Олег в знак благодарности починил в её квартире все болтающиеся розетки и выключатели. Закончив ремонт, Олег засобирался домой, но, увидев панику в глазах вышедшей его провожать женщины, понял, какой поступок будет единственно правильным, и тот факт, что утром они проснулись в одной постели, был справедливым во всех отношениях. Стелла, как называли её в преподавательской, была неподвластна времени, тонкие плечи и нетронутая учительским синдромом шея могли принадлежать тридцатилетней девахе, и только потухшие глаза, превращающие её в снежную королеву, выдавали присутствие в доме какой-то тёмной истории. Стоит ли сомневаться, что Олег, с присущим ему состраданием, прошёл все этапы освобождения его подруги от тяжкого груза прошлого. Долгие ночи слёз и жарких откровений исподволь делали взгляд женщины всё более тёплым, и однажды она проснулась и поняла, что её жизнь далеко не закончена. Конечно же, привязанность к новому другу была связана не только с его умением найти самые нежные струны её тела, петушок на длинной палочке не просто растормошил уснувшие было глубины её аверса и её реверса, но и, подобно университетской аэродинамической трубе, стал точкой опоры в её новой жизни. Вместе они не только обнаружили загадочную и вожделенную точку G, как оказалось, количество этих точек не исчерпывалось множеством от A до Z! Труба делала теорию полёта настоящим полётом, а она, Стелла, с появлением Олега начала опираться на что-то непередаваемо реальное,

а любые мечты сразу же становились почти реальностью, потому что с её новой реальностью не могли сравниться никакие прежние мечты. Где-то через пару лет Олег, благодаря Стелле, получил направление на языковую практику во Франции и, по её же просьбе, на помойках Парижа все свои летние каникулы разыскивал её непутёвого оболтуса сына, частично промахнувшегося с бизнес-планом и вполне осознанно поддавшегося сомнительному обаянию местных клошаров. Когда они вернулись в Москву вдвоём, Сталина Ильинична представила обоим своего нового мужа Эдуарда Марковича, декана кафедры информационных технологий.

С Фаиной всё было проще. Это была совсем ещё девчонка, лет на пять постарше Олега, и на первом же зачёте она радостно протараторила ему текст на английском:

– A cop sees an old woman carrying two large sacks. One of the sacks has a hole and is leaking 20 dollar bills. The cop asks the woman, «Where did an old lady like you get all of that money?»

She replies, «Well, there's a golf course behind my house and when golfers need to go to the bathroom, they stick their penis through a hole in my fence and pee into my yard. It became a problem because it kills the flowers».

The cop asks, «So what did you do about it?»

The old lady says, «I get my hedge clippers and I wait behind the fence. When a golfer sticks his penis through the fence, I grab ahold of it and shout GIVE ME \$20 OR IT COMES CLEAN OFF!»

«That seems fair enough», the cop says, «so what's in the other sack?»

The old lady replies with, «Not everyone pays...»

Из всего текста Олег понял только то, что за всё нужно платить, Фаина посмеялась над его познаниями и заметила, что ему бы не помешали индивидуальные занятия по английскому. Именно на дополнительных занятиях её полушария, в том месте, где они стягиваются в воронку, делающую их не гомеоморфной трёхмерной сфере фигурой, натолкнули Олега впервые на понимание гипотезы Пуанкаре. Со временем по этой детали и по форме самой попы он научился безошибочно определять тонкости характера практически любой женщины, независимо от цвета кожи, профессии и даже (о ужас!) её, если можно так выразиться, пола! У Фаины текстура этого нежного цветка была схожа с поверхностью листа мяты нежно-терракотового цвета, такие люди уравновешены и жизнерадостны, в отличие от обладателей блестящей воронки цвета розового золота, напоминающей позолоченный мундштук фирмы Yamaha для трубы. Они, напротив, тревожны и мнительны, а если вместо выпуклости ниже спины у них есть вертикальное её продолжение, переходящее непосредственно в ляжки, могут быть чрезмерно эгоистичными. Возможно, по этой причине худая, как любая уважающая себя кошка породы сфинкс, Альбина любила его потроллить. Одета в кратчайшую юбку и без каких-либо трусов, она появлялась перед ним на людном тротуаре и, наклонившись, делала вид, что завязывает шнурки на кроссовках. Уже заочно знакомый читателю петушок на длинной палочке тут же блокировал любую возможность передвигаться, и он был вынужден стоять, прикрывшись тем, что оказалось у него в руках.

В дальнем углу кто-то закашлялся.

– В моём вопросе нет места иронии, но я всё же хотела бы узнать, в чём назидательность этой истории? – Варвара Крамская была видной девушкой, и на протяжении всего рассказа с её лица не сходила снисходительная усмешка, дающая понять, что петушком на длинной палочке кого-кого, а её, Варвару-красу, удивить сложно.

Как будто бы разглядев в её глазах снисходительность к плоским задницам, Андрей внимательно посмотрел на своих товарищей.

– История не так проста, как может показаться, и это подтверждается многими русскими пословицами, в частности, пословица «с лица воду не пить» прямо указывает, что при оценке девушки лицо – это не самое главное! А что же тогда самое главное, спросите вы? Правильно, это именно то, о чём пытаемся вам сказать мы с Олегом и со стариной Пуанкаре! Я и сам давным-давно обратил внимание на этот феномен! Один мой хороший приятель всю свою сознательную жизнь учит других, и меня в том числе, что, если у девушки плоский зад, то разговаривать с ней решительно не о чем. Несмотря на это, обе его супруги являются носительницами плоских задниц! И это никакой не парадокс, просто человек поддался эмоциям и, зная прекрасно, на что нужно обращать внимание, увлёкся свежестью ланит... Согласитесь, что выслушав мою историю, вы уже не станете лишним раз осматривать человека, последовав моему совету, вы выберете девушку добрую. Добрая девушка не может быть ни глупой, ни некрасивой, и даже излишне толстой или худой. И уж тем более, сзади у неё не будет продолжения спины, а будет там приятная, слегка оттопыренная выпуклость.

Снисходительности на лице Варвары после ответа Андрея почти не убавилось, но сидящий чуть позади неё Евгений Александрович отметил про себя, что Варвара Яновна несколько раз непроизвольно провела руками по своим, нужно отдать им должное, вполне рельефным формам, при этом оценивая на морщив лоб. Её отсутствующий, направленный в пустоту взгляд выдавал в ней попытку разглядеть внутри себя качество, о котором только что упомянул Андрей.

Новелла вторая

Евгений рассуждает о том, какое чувство можно назвать настоящим

Евгений, от которого не ускользнула нервозность Варвары после того, как она осознала настоящий смысл рассказа Андрея о своём друге, решил разрядить атмосферу этого опереточного морализма. А заодно постоять за законное право плотских отношений мужчины и женщины занимать своё законное место в ряду историй о героизме и трусости, любви и предательстве, а также о прочем добре и зле.

– Для начала, ребята, – начал он свою историю, – я расскажу о том, как привязанность к женщине поставила меня на грань жизни и смерти, а заодно создала превратное впечатление обо мне у одной дамы, приятной во всех отношениях. История произошла в самый разгар лихих девяностых, я был молод и одинок, и любую красивую (или добрую, Сергей) девушку или женщину рассматривал, прежде всего, так, как Буратино в своё время рассматривал прекрасную Мальвину. Заканчивался год, все разъехались на каникулы, и я лежал в полупустом общежитии своего университета, заняться мне было абсолютно нечем. До поезда было ещё два дня, я тупо лежал в пустой комнате и читал первый том «Речных заводей», в котором некий Ши Най Ань очень подробно описывал приключения каких-то совершенно доисторических китайских воинов. Несостоявшемуся по случаю ликвидации социализма коммунисту были неясны мотивы их перманентной вражды с чиновниками императора, и я добросовестно выяснял эти мотивы, выкуривая немалое количество сигарет «Магна» и выходя из комнаты только затем, чтобы опустошить гильзу от 35-мм снаряда, стоявшую возле кровати в качестве пепельницы. Книгу я случайно обнаружил на полке нашей общежитской библиотеки. На следующий день я пошёл за вторым томом, вместе с которым неожиданно получил приглашение на новогодний банкет библиотекарей. Добрая библиотекарьша заподозрила, что я толком не ел несколько дней, и решила таким образом спасти меня от голодной смерти.

На балу я появился в качестве спутника подружки библиотекарьши Лены, которую я толком запомнить так и не успел. Через полчаса я уже сидел за огромным роялем и играл пьесы из «Детского альбома» Петра Ильича, плавно перетёкшие в песни Виктора Цоя. Неудивительно, что благодарная публика не забывала угощать пианиста вином, водкой и скудной постперестроечной закуской! Дама, приятная во всех отношениях, о которой я уже упоминал, вовремя увидела, что худосочный студент получает подношения в основном в виде выпивки, и усадила меня за свой столик, оттащив от инструмента и заставив съесть полноценную порцию чего-то горячего и питательного. Однако бессистемно выпитые напитки уже взяли верх над моим сознанием, и очень скоро я, прикурив с фильтра длиннющую импортную сигарету, уступил свой штурвал автопилоту.

Девушку звали Светланой, она была так добра, что взвалила на себя все хлопоты с подвыпившим пианистом, и к полуночи я уже лежал в своей кровати и, засыпая, возносил хвалу Господу за то, что в его команде есть такие люди, как Светлана. Она не забыла обо мне, и как-то, уже после каникул, появилась с билетами на «Лебединое озеро». Мы сидели в первом ряду, там, под топот на диво упитанных лебедей, Света рассказала, что у неё есть парень, он уехал покорять Эверест, а на балу его не было, потому что он отморозил уши на Эльбрусе. Света была девушкой из культурной семьи, и за полгода мы с ней посетили множество картинных галерей и симфонических концертов, сближаясь при этом в культурной системе координат.

В это же время отношения Светланы с её парнем постепенно охладевали, он улетал всё дальше, лазил всё выше, и финалом этого охлаждения стал один прекрасный вечер, когда она пригласила меня к себе домой. Конечно же, с нами случилось то, чего просто не могло не случиться, ведь мы были молодые, свободные от денег и, как нам казалось, от любых привязанностей и предрассудков. Под утро нас разбудили удары в дверь, кто-то колотил в неё яростно и решительно. Мне сквозь сон казалось, что это пожар и нужно скорее одеваться, но Светлана, вскочив и натянув футболку, велела лежать.

– Это Славик, он, видимо, что-то про нас узнал. Я открою, а ты лежи, ничего не бойся!

Слушая их разговор в прихожей на повышенных тонах, я никак не мог придумать, что же делать мне. Первой моей идеей было одеться и выйти, чтобы предложить Славе спокойно разобраться в ситуации и объяснить, что он теперь чужой на нашем со Светланой празднике жизни. Но возникла мысль о том, что я не успею одеться и он застанет меня в её спальне в таком виде, и эта ситуация казалась мне настолько невозможной, что я зевнул и, видимо, забылся тревожным сном. Я ещё слышал как они, не прекращая взволнованный разговор, переместились на кухню, и там что-то зазвенело. Последним, о чём я подумал, было то, что он, наверное, взял нож и идёт с ним в спальню. Когда Светлана меня разбудила, его в квартире уже не было. Оказалось, что он действительно схватил нож и побежал с ним в спальню, но, когда туда следом прибежала Светлана, нож уже лежал на полу, а Слава, увидев её, заплакал и ушёл. Моё поведение в этой ситуации смутило девушку настолько, что эта ночь стала для нас последней. Этот урок показал мне, что быть любимым не просто. Уметь играть на гармошке и понимать вклад Дягилева в русский балет – этого очень мало для любви. Настоящее чувство обязательно победит любые стальные нервы, и никакая *Sacre du printemps* тут не поможет. А Слава со Светланой помирились и с тех пор живут вместе.

Новелла третья

Рассказ Варвары о своём понимании природы мужчин

Варвара, внимательно выслушав рассказ Андрея, была слегка им задета. Ей казалось, что отношение его друга Олега к женщине как к открытой книге – это проявление недопустимого в современном обществе сексизма. Рассказ Евгения о том, как его друг потерпел фиаско, слегка успокоил её феминистическое эго, но она уже рвалась в бой!

– Итак, – начала свой рассказ Варвара, – пора нам с вами увидеть современного человека, человека-мужчину и человека-самца таким, каким он на самом деле и даётся нам в ощущениях, без каких-либо прикрас и романтического флёра. Речь пойдёт о муже, с некоторых пор уже бывшем, моей подруги, зовут его Валентин Робертович, и имя это в кругах, где о нём ещё помнят, сегодня служит синонимом брэнности мирской славы и репутации. Вспоминая его благородный лысеющий профиль, белый кашемировый шарф и белый автомобиль с личным водителем-кавказцем, я не могу поверить, что вот этот вот человек без зубов, левая нога во вьетнамке, правая в тапке из боулинг-клуба, который сейчас просит у меня двести пятьдесят рублей, и есть великолепный Валентин Робертович. Но давайте по порядку!

На улице двухтысячный год, моя риелторская контора позволяет мне уверенно стоять на ногах, но настоящую уверенность в завтрашнем дне в меня вселяют моя подруга Татьяна со своим мужем Валентином. В самый разгар кризиса эти две финансовые акулы демонстрируют высший пилотаж в бизнесе. Татьяна замутила сетевые продажи каких-то таблеток, а Валентин, не так давно открывший строительную фирму, организовал её филиал в Карачаево-Черкесии, и теперь круг его общения состоит исключительно из членов правительства и функционеров торгово-промышленной палаты. Харизма и снисходительность – вот что вы могли увидеть в его ироничных глазах, а рассказывая Татьяне о том, как я улучшила жилищные условия, въехав в новую трёхкомнатную квартиру, я уже по глазам понимала, как это ей смешно, и что у них-то намечается переезд как минимум в пентхаус на Бережковской набережной. Но жизнь велика и многогранна, и богатые в ней плачут с такой же интенсивностью, как и бедные, и промелькнувший у меня перед глазами сюжет с развязкой, содержащей название одноимённого сериала, подтвердил этот избитый тезис.

В жизни у Валентина было три настоящих увлечения – теннис, рыбалка и женщины. Вполне себе милые увлечения, и не знаю, довели бы они его до такого болезненного логического конца, если бы не были подкреплены тремя личностными факторами. Каждый в отдельности вроде бы и не является таким уж страшным пороком, но в совокупности они уложили нашего героя на самое дно жизни. Длинный язык, доверчивость и невероятный снобизм – вот эти злополучные качества. Да, именно снобизм, а не зелёного змия, к которому он прильнул уже в самом конце своей карьеры, я считаю виновником этой маленькой трагедии. Теннис для него стал всего лишь площадкой для знакомств с сильными мира сего, а природная доверчивость превращала ничего не значащий намёк какого-либо чиновника в железную гарантию решения любого вопроса. Постепенно всё руководство его строительной фирмой было в одностороннем порядке делегировано многочисленным и могущественным друзьям по теннисному клубу, а реальные дела делал его прораб Ванька с замом Ахмедом. В это же время к Валентину пришло понимание того, что услуги интимного характера стоят, в сущности, совсем недорого. Он ещё был хозяином положения, и время от времени одна из моих подруг по секрету сообщала, что разводится со своим мужем, так как Валик вот-вот делает ей предложение. Но в один прекрасный вечер в дверь квартиры, где проживали Татьяна с Валентином, позвонили. Валентин Робертович, в красивом шёлковом халате, пошёл откры-

вать. Татьяна несколько минут прислушивалась к возбуждённому диалогу за дверью, а когда он утих, выглянула в коридор и обнаружила своего мужа торчащим из люка мусоропровода. Торчали, собственно, только ступни в белых носках, тапочки валялись на кафельном полу, а сам Валентин только пыхтел и старался изо всех сил растопыривать ступни в разные стороны, чтобы не провалиться окончательно. Вскоре выяснилось, что обидчиком был обманутый муж одной из пассий Валентина Робертовича. Не дождавшись от него предложения руки и сердца, она вслед за мужем посетила их жилище, и теперь об лысеющую голову обманщика была разбита массивная китайская ваза и не только она одна. Одновременно с ней была разбита мечта Татьяны о долгой и счастливой жизни с любимым человеком. События развивались стремительно. Стало понятно, что любовь, купленная за деньги, имеет целый ряд преимуществ, и теперь однажды обманутая супруга, возвращаясь домой, пристально искала и неизменно находила в собственном жилище доказательства неверности своего Валентина.

Логическая развязка наступила довольно быстро. Обладающий своеобразным чувством юмора Валентин однажды договорился со своей клиенткой до того, что она стала жаловаться ему на свою бедовую жизнь и, в частности, на то, что её никто по-настоящему не любит. Как истинный джентльмен, он позвонил в эскорт-агентство и заказал своей клиентке молодого парня атлетического сложения. На грех, набирая номер агентства, он, после нескольких бутылок шампанского находясь не в самом здравом уме, набрал по ошибке номер своей жены, а та, выслушав заявку и обладая в свою очередь ничуть не меньшим чувством юмора, переадресовала её уже в настоящее агентство. Там она пояснила, что услуга нужна её умирающей бабушке, пожелавшей напоследок вкусить греха. Прибывший по вызову красавец-мужчина первым делом попросил оплатить вперёд, назвав сумму, от которой даже у такого богатыря, как наш Валентин, запершило в горле, потом чего-нибудь горячительного, и, жажнув рюмку водки, обречённо сказал – ну, где там наша бабуля? Приехавшая из командировки Татьяна с порога попросила вынести мусор, а Валентин Робертович услужливо схватил ведёрко и выбежал с ним в коридор. Больше в эту квартиру его не пускали.

– Да, поучительная история, – нарушил повисшее после рассказа молчание Андрей. – Ваш Валентин Робертович не самый целомудренный человек на планете. И всё бы ничего, Варвара Яновна, но не могли бы вы обрисовать моральный облик его спутницы Татьяны?

– А при чём тут Татьяна? Заботливая мать, красавица, я лично про неё плохого слова не скажу...

– Не забываете, Варя, что Валентин был и моим другом. Почему был? Да потому, что когда дела у него пошли наперекосяк, я ещё долго пытался помочь ему и успокоился только тогда, когда понял, что вся моя помощь оседает на счетах владельцев алкомаркетов. Этот бывший интеллигент оставил мне на хранение все свои автомобили, строительную технику и даже домашний скarb. Появляясь неожиданно и ниоткуда, он молниеносно продавал один из автомобилей какому-то мутному типу за пару ящиков водки и опять пропадал на неопределённое время. Когда из всего имущества остался только велосипед, Валентин позвонил и спросил, не смогу ли я найти на него покупателя за пять тысяч рублей. Напомнив, что за ним числится долг в несколько сотен тысяч, я попросил у него велосипед в счёт этого долга. На мою просьбу он ответил, что скорее придет и выкинет его на дорогу, под колёса проезжающих машин. Велосипед свой он забрал в тот же вечер. Потом он уехал в родную деревню и несколько лет писал, что вот-вот придет, так как его давно приглашает министр спорта, его большой личный друг. Он действительно приехал, в тот же день позвонил и предупредил, что вечером будет у меня. Появился он только через месяц, в уже известной вам вьетнамке с боулинг-тапком, и потребовал денег на оплату жилья, которое он снимал почасово. К этому времени его жена предупредила меня, чтобы я, в случае обнаружения, вёз его напрямик к ней, что я

немедленно и сделал. Валентин, как объяснила Татьяна, приехал с деньгами, их передала его мама для внука Антошки, что-то около пятидесяти тысяч, но все эти деньги были потрачены на платные услуги в почасовых квартирах. Эти факты, конечно, не красят, Варенька, твоего героя, но любовь к истории требует, чтобы я рассказал то, о чём ты умолчала. Через несколько дней после позорного изгнания Валентин Робертович подкараулил жену возле дома, усадил в машину и повёз в одно укромное местечко на Воробьёвых горах. Поставив машину на самом краю обрыва, он поставил вопрос ребром:

– Либо мы будем вместе, либо я нажимаю на газ!

Поступок женщины не так уж легко просчитать. Не скажу, что считаю женщину излишне загадочным созданием, но Валентин в своих расчётах ошибся по-крупному. Татьяна, не дожидаясь окончания ультиматума, одним движением отстегнула ремень и вышла из машины, презрительно кинув в форточку:

– Не думай, что ты один такой Джеймс Бонд, я вот, например, – Лара Крофт.

После этого случая ревность настолько обуяла моего бывшего друга, что через неделю, в день рождения Татьяны, он с белой розой в зубах полез в вожделенное окно, надеясь использовать свой последний шанс на прощение. То, что он увидел, поставило жирную точку в истории их семьи. Татьяна сидела на кровати, одетая в капельку «Шанель номер пять», а напротив, во всей своей красе, стоял уже знакомый нам всем утешитель умирающих бабушек. Уже в палате травматологического отделения Валик узнал, что то, что он наблюдал через окно спальни, было подарком его жене от её подруг, на её день рождения...

Вот мой ответ на ваши, Варвара, обвинения в сексизме. Лично я считаю их ментальной девиацией, любители обвинять окружающих в сексизме при каждом удобном случае ещё получают свою оценку у международного сообщества, после того, как оно наконец разберётся с тем, что из себя представляют пропагандисты однополых развлечений и мимикрии этого явления под семейные отношения. Если по Гамбургскому счёту, то только тот факт, что ты до сих пор общаешься с Татьяной, мешает мне сказать, что она – настоящая женщина с пониженной социальной ответственностью. А количество известных мне людей, в коллекции которых есть рожки Валентина Робертовича, не позволяет поставить ваш рассказ на одну полку с «Анной Карениной»!

День второй

Авантюры

Примечание автора

Самое удачное определение авантюре я вычитал в этимологическом словаре Крылова: «Это существительное, восходящее к латинскому *adventura*, существует, наверное, во всех европейских языках. Но вот что любопытно: если в русском языке существительное „авантюра“ (как и образованное от него другое существительное – авантюризм) носит в первую очередь негативный оттенок (авантюра – рискованное, сомнительное предприятие, а авантюризм – поведение, для которого характерны беспринципные поступки), то, например, в английском (*adventure*) и французском (*aventure*) это слово в первую очередь означает всего лишь „приключение“».

Новелла первая

Юрий раскрывает свою сущность и истоки своего дауншифтерства

– Я вышел в коридор, – начал он свой рассказ, – и с трудом стал попадать ключом в замочную скважину. В одной руке висел пакет с мусором. Свет над головой не зажёгся, и возникла тревожная мысль, что, возможно, меня уже объективно нет, раз датчик движения не отреагировал на моё появление. Успокаивала мысль о возможной неисправности датчика или лампочки, ещё больше успокаивал характерный запах из пакета, пока я не подумал, что мои переживания этого запаха могут быть не связаны с объективной реальностью вчерашних объёдков. Реальность реальностью, а дана ли она в ощущениях мне или кому-нибудь другому в этом тёмном подъезде, было совсем не очевидно. Да и реальность ли этот эпизод? Его тривиальность не позволяла соотнести себя с ним достаточно однозначно, тем более что представление о времени было не очень чётким. Если с местом было более-менее ясно, то вопрос о времени был расплывчатым. Прошлое стояло, вытянувшись вдоль какой-то кривой, и подчас давние события проецировались значительно ближе, чем некоторые более свежие. События, следующие после прошлых, и, если признать их таковыми, настоящих, тоже были представлены в ощущениях кого-то, с кем я отождествлял их носителя как самый близкий во времени и пространстве императив. Этот событийный ряд был в не меньшей мере дефинитивен, чем предыдущий, и даже более разнообразен, что неудивительно ввиду особенности самого времени, и я со своим ключом, возможно, лишь фрагмент из расплывчатого пятна возможных вариантов событий. Не исключено, что на этом пятне есть я, подрывающийся на противопехотной мине, и этот несчастный ключ – подарок мне, это «Мироздание и Провидение, сёстры-близняшки, любят меня и целуют меня в морду, и за уши треплют, и чешут загривок ласково-весело-грубо» (Dead Astronaut In Space, прим. автора).

Осознав этот факт и, на радостях, сразу попав ключом, куда следует, я совершил ритуал убытия с мест хранения. Путь на работу был приятен – в ней, работе, есть особый смысл, отсутствующий в некоторых других аспектах жизни. Время исканий удлиняет путь ищущего. Мой путь на работу протекал в потоке соискателей, одни шли искать себе тёпленького местечка, другие, уже принявшие предложение, шли, надеясь на его ценность и будущее благоденствие. Степень удовлетворения от сделки с покупателем их жизни легко угадывалась по лицу. Лицо удовлетворённого продавца дружелюбно и смотрит вперёд, лицо сомневающегося часто обесчувствлено утренним приёмом пива. В руке у него обязательно имеется прижатый к уху телефон, и можно сказать, что его собеседник – его личное бессознательное, обесценивающее личность продавца, поскольку без этого собеседника она уже не является полностью независимым агентом! Лицо, убедившееся в бесперспективности сделки, выглядит уставшим и обманутым. Разница между спросом и предложением может завести очень далеко. Есть множество путей решения этого болезненного вопроса. Выбранный мною был прост и радикален и состоял в отказе от любых предложений. Способ не уникален, им пользуются все предприниматели. Небольшое отличие заключается в том, что отказ распространяется не только на предложения покупателей моего труда, но и на все незапланированные блага и предпочтения, возникающие в процессе движения по направлению стрелы времени к горизонту событий. Значит ли это, что я живу в картонной коробке и питаюсь отходами из мусорных баков? Вы будете удивлены, но эта сторона жизни тоже не лишена определённой конкуренции, и хорошая коробка достаётся сильнейшему. Моё же неприхотливое, но щепетильное это согласно взять лишь то,

на что оно имеет полное, никем не оспоренное право, и заплатить за это сполна из суверенных средств. Кто знает, не поэтому ли меня так занимают грибы и рыбалка?

Новелла вторая

Леночка рассказывает о карьерных лифтах

– Собственно, то, что я расскажу, это не только не авантюра в плохом смысле этого слова, но и вообще авантюрой при ближайшем рассмотрении не является. Это ответ всезнайкам и знатокам жизни, изо всех сил пытавшимся отговорить меня от поступления в МГИМО. Все, кому не лень, пытались отговорить меня, запугивая коррупцией на вступительных экзаменах. После того, как я благополучно поступила на бюджет, риторика изменилась, и теперь мои многочисленные знакомые уверяли меня, что никакого смысла учиться в МГИМО мне, никому не нужной девчонке из Самары, нет, и все распределения в МИД достанутся детям министров и послов. А дети провинциальных медиков пойдут работать на заправки. Отмечу, что про МИД я никогда не думала, а свой вуз просто боготворила! Он настойчиво посылал меня на стажировки то в Норвегию, то в Италию, а в солнечном Пекине, где щедрые китайцы платили мне свою стипендию, я провела почти год, основательно погрузившись в их языковую среду

История моей карьеры проста. После магистратуры, а она прошла под эгидой и при поддержке именно, как это ни смешно, МИДа, меня взяли на стажировку в аппарат министра иностранных дел, и именно там я встретила Антонио. Он работал в посольстве Италии, и, благодаря его бабушке, оставившей ему наследство, уикенды мы иногда проводили в шикарной старинной квартире с огромным балконом и видом на развалины Колизея. Ещё у Антонио был небольшой вертолёт и сквот на первом этаже дома-музея в Венеции, и сегодня наше с ним знакомство я вспоминаю, как волшебный рефрен песни любимой нами обоими, удивительной Марчеллы Беллы!

*È Venezia nella mente
California, dove sei?
L'aeroporto è spento ormai
È Venezia nella mente...
Delirante geografia
Le raccolte di poesie
Rifiutate da tante scrivanie
Erano mie...*

Вскоре Антонио предложили повышение, и оно было связано с переездом в Страну восходящего солнца. Моё родное министерство пошло навстречу моей просьбе, и мы с Антонио два чудесных года прожили, как во сне. Затем его перевели в Рим, а мой кантонский и мандаринский китайский к тому времени довольно основательно вывел меня в китайские люди. Руководитель нашего китайского офиса, узнав о моём желании последовать за любимым в Рим, предложил мне такие условия, что я поневоле поверила Франсуа де Ларошфуко: «Разлука ослабляет лёгкое увлечение, но усиливает большую страсть, подобно тому, как ветер гасит свечу, но раздувает пожар».

Сегодня, сидя на 57-м этаже своего офиса в Пекине, я учу китайцев, у которых, как оказалось, этих языков и наречий великое множество. Учю понимать друг друга и других носителей ещё более экзотических языков и наречий.

Мы с Антонио, похоже, ещё очень молоды, ветрены и одержимы химерами, оттого-то союз наш, будучи таким чудесным, больше похож на гостевой брак! Мы и сейчас остаёмся близ-

кими людьми, хотя всё труднее становится нам синхронизировать свои планы, а его маленький красненький вертолётчик не ленится и из последних сил напрягает свою могучую турбину!

Новелла третья

Марина рассказывает о жизни маленьких людей

События в большом мире не вдохновляли на романтические рассказы, счёт жертвам вируса в мире шёл уже на миллионы жизней, и наша, спрятавшаяся от мира компания, ощущала весь спектр человеческих чувств. От сострадания неудачливым соседям по планете до раздражения образом жизни, присущим самым уязвимым слоям общества, кашляющим друг на друга в троллейбусах и подземельях метрополитена и, тем не менее, настойчиво выходящим на работу, в результате несущую им смерть и несчастья. Марина, одна из немногих, остро понимала мотивы очень простого человека, толкающие его на этот скользкий путь к могиле, но взамен делающие его тем, кем он есть, существом, способным выбраться из любой передраги, и при этом мимоходом сделать мир хоть на малую толику лучше, чем он был до этого!

– Маленький человек, – начала свою историю Марина, – жил в маленькой комнатухе площадью 14 метров, называемой малосемейкой. Он каждый день ходил на работу, а когда пришло лето, получил от своего предприятия участок в СНТ, всего четыре сотки, но с этих соток он собирал столько земляники, что часть её приходилось продавать. Его тесть (мой отец) работал водителем в «Совтрансавто», из каждого рейса он привозил красивый каталог Nekkerman, и мой Денис, изучая эти каталоги, мечтал накопить на магнитофон «Шарп». Чтобы ускорить это радостное событие, я подрядилась в своё ЖЭУ убирать подъезды, а в свободное время принимала заказы на шитьё. Выйдя из декретного отпуска, устроилась завхозом в университет и, несмотря на то, что семейный бюджет был откровенно дефицитным, первую же зарплату вложила в магнитофонную копилку. Ещё через месяц Денискина мечта сбылась, и двухкассетный «Шарп» начал работать на износ, копия записи «Пинкфлойдов» или Майкла Джексона стоила немного, но заказов от друзей и знакомых было немало, и бюджет семьи неуклонно пополнялся. В популярном анекдоте той поры внук миллиардера купил яблоко за десять центов, натёр его до блеска и продал за доллар. Слушатели, предвкушающие лавинообразный рост доходов от продажи натёртых фруктов, обламывались, так как дедушка юного предпринимателя изволил почтить и оставить внуку миллионное наследство. С нами произошло нечто подобное, но приключение растянулось на долгие десять лет. Конечно же, «Шарп» тут ни при чём, да и лишились мы его довольно скоро.

Однажды, проснувшись среди ночи на своём участке, где уже стоял небольшой щитовой домик, я услышала сдавленный шёпот, в темноте было видно, что по дому крадутся двое. В руках у одного из них был топор, и я молилась только о том, чтобы Денис не проснулся и не затеял потасовку с вооружёнными грабителями. «Шарп» унесли, но в стране начинались такие перемены, что было не до этого. Денис учредил кооператив и начал строить дома новым хозяевам жизни, и один из них пригласил нас за компанию в круиз по Средиземному морю. Через некоторое время я получила приглашение от соседей по каюте посетить их зимний домик в чешских Таграх, затем чехи приезжали в гости к нам, и вскоре дружба переросла в деловое сотрудничество. Бизнес был мелочным, но сети по продаже секунд-хенда из Европы и импортных красок были ещё в новинку, и наши с Земанами доходы множились не по дням, а по часам. Через год Марек и Маркета выиграли тендер на отделку офиса президента одной из послеразвальных республик, и все работы были поручены Денису. Вот на этом-то этапе уместно будет вспомнить анекдот про яблоки. Денис, прибыв в один укромный офшорный уголок для расчёта с четой Земанов, узнал, что Марек с Маркетой развелись, и теперь владельцем всех активов Марека, оставшихся тому после судебных разбирательств, является именно он.

Разрыв между супругами был столь основательным, что Марек, опасаясь новых исков от бывшей супруги, не придумал ничего лучше, чем доверить свои активы новым друзьям. Портфель, записанный на Дениса, был чрезвычайно пёстр. У Земанов было много корзин с яйцами, как рачительный хозяин, они распахивали эти корзины по различным уголкам постсоветского пространства, не считая фабрику туалетной бумаги в Милане и букмекерскую контору в Белфасте. Некоторое время Марек вводил Дениса в курс своих дел, и когда он перестал выходить на связь, Денис уже самостоятельно оформлял разрешение на застройку жилого микрорайона в Чешских Будейовицах и влиял на выбор управляющей компании в сданных в эксплуатацию домах. Через пару лет по почте пришло письмо от поверенного Марека в Праге с известием о том, что пан Земан приказал долго жить, и, так как других наследников у него не оказалось, Денису перешло право собственности на его пентхаус на Вацлавской площади и все права на управление благотворительным фондом. Что ещё? После того, как мы вывели из тени имя основателя фонда, назвав его фондом Земана, его бывшая супруга Маркета нашла нас, но совсем не для того, чтобы отсудить имущество бывшего мужа. Это именно она познакомила нас с Евгением, а Женя помог нам основать такой же фонд в России. Кроме этого, Маркета передала нам кейс с документами, который осторожный, но рассеянный бывший муж забыл забрать при разводе. Как оказалось впоследствии, без них управление многими активами было просто невозможно!

Из угла, где сидел Вадим, раздались снисходительные аплодисменты. Не глядя в его сторону, Марина тихо продолжила:

– Ни за что не догадаетесь, что было самым поучительным для нас с Денисом в этой истории. Мы ведь с самого первого дня, после того, как узнали про завещание, затаились и вели дела так, чтобы Маркета нас не нашла. Так что из этого эпизода мы узнали о себе много нового, и это знание угнетало нас всё больше и больше. И когда Денис однажды спросил у меня, так ли уж сильно нам нужен пентхаус на Вацлавской площади, я с облегчением поняла: несмотря на глубину нашего падения, пути к выздоровлению, кажется, есть! Немыслимые препятствия, которыми сопровождалась наша попытка осчастливить сына Маркеты и переписать на него злополучную недвижимость, давали нам понять, что где-то, параллельно нашему бытию, происходит совсем другая жизнь. В ней покупка квартиры своему бестолковому отпрыску не только не является делом чести уважающего себя родителя, но и напротив, выглядит зловердным и демотивирующим фактором.

Рассказ Марины закончился, Сергей с Евгением стояли на свежем воздухе и смотрели на луну. Луна была большая и белая, в её нарядном свете ёлки на правом берегу казались очень изысканными. Осторожная белая неясность, возможно, считала себя хитрой и скрытной птицей, сидя на высокой антенне за вагончиком, но её глупая тень лежала прямо у их ног и в другой раз могла бы насмешить, когда она начинала своей длинной, как у зайца, ногой чесаться, подобно шелудивой собаке. Но сейчас настроения не было, рассказ Марины вызвал воспоминания, и у каждого они были свои. Сергей, который никогда не курил, откуда-то достал смешную чёрную сигарету и сейчас дымил ею, тупо уставившись на тень совы.

– Скажи, Женька, когда мы перестали быть социальными животными и стали такими индивидуалистами? Вот ты, сколько соседей по подъезду ты знаешь, у кого из них ты был в гостях? Или я один такой урод, который, проходя мимо закрытой двери, вспоминает только соседа, который неожиданно остановился на мосту, вышел из машины и прыгнул с шестидесятиметровой высоты? За ним следом прыгнул и его взрослый сын. Их тела так и не нашли, а ехавших с ними в машине второго сына с его матерью я каждый день встречаю возле лифта. Вначале я ещё делал попытки поздороваться с ними, но они в ответ только взволнованно мотали головой и отворачивались. Звучит невероятно, но на этой же лестничной клетке живёт семья с двумя взрослыми сыновьями, один из которых примерно в то же время сиганул из окна

девятого этажа, что-то не поделив с родителями. Сидящие на лавке соседи-пенсионеры охренели, когда за их спинами раздался глухой удар. Парень был ещё живой и даже попросил закурить, но дядьки разбежались, кто вызывать скорую, кто на девятый этаж, сообщить семье. Говорят, что вся семья сидела на кухне, а глава семьи, выслушав скорбную весть, сказал, что всё уже знает.

Некурящий Евгений взял тлеющую сигарету из Серёгина рта и мрачно затянулся, в его взгляде, прикованном к полной луне, был нескрываемый сарказм.

– Я ведь из подъезда уехал сразу после школы, а после студенческой общаги сразу попал в дом своих родителей на Рублёвском шоссе. Посёлок маленький, я знаю почти всех, там в воздухе витает корпоративный этикет, и, в общем-то, мы живём на виду друг у друга. Но я тебя очень хорошо понимаю.

Сергей стоял в аляске, под которой была только футболка, и тапках на босу ногу и уже порядком задубел, но хотелось высказать именно Женьке то, что могли неправильно понять остальные. Нарваться в этой замкнутой среде на дискуссию по поводу СССР было как-то страшновато даже для человека, вооружённого учением Хулио Микицки. (Да, дорогой читатель, отправляясь в экспедицию, наша компания прошла подготовку по курсу «психологическая совместимость в условиях ограниченных пространств» под руководством опытного психоаналитика!)

– Понимаешь, Жека, иногда я слышу о том, что вселенная расширяется, и не очень-то этому верю. Когда я был маленький, и мои родители строили социализм, это можно по-разному воспринимать, но вот тот социализм – это действительно была вселенная! У нас не было почти ничего, но мы пребывали в наивной уверенности, что смысл жизни нужно искать на Байконуре, на Луне, в Магеллановых облаках и туманности Андромеды, а о том, что в США и Европе есть жвачка и пластинки «Битлз», думать было неинтересно. Мой максимум сомнений в правильности пути заключался в крамольной фразе, что коммунизм – это развитый социализм плюс джинсы «Левистраусс» со жвачкой в кармане!

Когда СССР пал, вселенная схлопнулась до размеров земного шара. Стало очевидно, что Париж и Вашингтон в каком-то смысле намного дальше от Москвы, чем облако Оорта, и теперь усилия бывшего советского народа будут перенаправлены на эти предметы, и теперь он во все свои телескопы пытается разглядеть то, что, в общем-то, находится у него под носом. Изучение сил, отталкивающих друг от друга галактики и их скопления, откладывается. На повестку дня вышло изучение причин, отталкивающих друг от друга страны и даже отдельные части стран, дробя их, урезая большие страны на несколько стран поменьше, разделяя народы и даже семьи по неведомым пока линиям разлома.

– Кому-то они ведомы. Со своей невысокой колокольни я вижу, что происходит какой-то процесс, называемый некоторыми архаизацией общества. Старый добрый капитализм уже давно пытается создать надстройку, чтобы она управляла миром не по старинке, как учил папа Карл Маркс, не деньжками, как продуктом овеществлённого труда. Новые мессии, из которых снизу торчат руки тех же хозяев тех же денежек, строят новый мир. В нём попытаются учесть не только избыток людей на планете, но и доступ их к различного рода ресурсам захотят регулировать. Я думаю, что первым принял на себя удар самый мощный человеческий инстинкт, отвечающий у нас за продолжение рода. Ну и, как следствие, удар приходится на страны, исповедующие традиционные ценности. Думаешь, просто так твой смартфон предлагает тебе всё, о чём ты только что подумал, с доставкой и по специальной цене? Все эти сервисы создали не для тебя, Серёга, это, считай, людоеду, для его же удобства, дали вилку, ложку и мясорубку.

– Пошли спать, дружище, и пусть нам всем приснится добрый русский гей из Липецка, прогуливающийся под ручку со строгим, но справедливым гомофобом из Роттердама, и пусть они обсуждают проблемы самоидентификации сирийских курдов, волей случая узнавших о несправедливости по отношению к независимому Донбассу.

Новелла четвёртая

Рассказ Вадима о своей бишкекской эпопее

– Моя поездка в Киргизию в роли «челнока» – это самое тупое, что я совершил в своей жизни. Оправданием мне служит только то, что я поехал вместо какого-то товарища, личность которого уже не помню. Накануне отбытия поезда мне позвонил мой друг Санёк по прозвищу Блэкмор и сказал, что его напарник заболел, и я должен оформить на работе десять дней отгулов и выдвигаться с ним в город Фрунзе. Да, возьми деньги, все, которые найдёшь, добавил он!

На следующий день мы уже сидели на нижних полках плацкартного купе и с ужасом ждали станцию Туркестан. Народ в вагоне был тёртый, и, по их мнению, после Оренбурга комфортным условиям придёт конец. Так всё и было. После Оренбурга в вагоне стали появляться дикие люди с чрезвычайно большими и вонючими баулами из какой-то рыхлой и влажной мешковины. Они появлялись вне зависимости от остановок поезда, как бы из ниоткуда, и только непроницаемые лица проводников наводили на мысль о безбилетном проезде и нарушениях в системе РЖД. Когда за окном начали появляться живые верблюды, как одинокие, так и в составе небольших табунов, весь наш вагон был заполнен мешками и этими степными людьми. Мы неожиданно поняли, что о жизни страны знаем чуть больше, чем ничего, раз не подозревали, что совсем недалеко, фактически на расстоянии дневной поездки на автомобиле, происходят такие вещи и проживают такие люди. Они не умели или не желали говорить по-русски, неожиданно появлялись и так же неожиданно исчезали. Ближе к границе мы узнали, что город Фрунзе теперь называется по-другому. То ли Пишпек, то ли Бишкек, эти названия пока утрясались на национальном уровне, но эти подробности нас волновали мало. У нас была задача – закупить чего-нибудь, пользующееся успехом в цивилизованном мире, и продать его с прибылью для себя. Двоюродная сестра Блекмора, у которой мы остановились, в коммерции не разбиралась, и, помотавшись пару дней по городу, мы поняли, что нам нужна помощь, так как собственной бизнес-идеи у нас не было. Сестра работала продавцом в большом магазине, зайдя к ней на работу вечером второго дня, мы, похоже, произвели на её товаровед впечатление прожжённых спекулянтов и сразу же получили от него предложение купить ящик сигарет «Памир». Мы вяло отмахнулись, но он настаивал, удивляясь тому, что мы упускаем очевидную выгоду. Сигареты пришлось купить, и вот мы уже несём огромную разваливающуюся коробку по центральному бульвару столичного города, вспоминая все известные нам нецензурные слова и выражения. Пройдя пару километров, мы присели покурить на скамеечке возле киоска. Решение оставить груз и тихо уйти уже было принято, когда появилась хозяйка киоска и спросила, за сколько мы готовы расстаться со своим добром. Наша цена её устроила, и всю добавочную стоимость мы тут же потратили на две бутылки импортного ликёра «Шерри-бренди» и «Амаретто». Первый коммерческий успех вдохновил нас на дальнейшие подвиги. В магазине у Шуры было ещё много «Памира», и все киоски на проспекте на следующий же день были снабжены этим отвратительным куревом. Киоскёры были согласны сами получать его через заднее крыльцо Шуриного магазина, а после нашего отъезда она продолжила спекуляцию в особо мелких размерах, и это стало началом её собственной предпринимательской деятельности.

Следующей гениальной операцией стало посещение вещевого рынка где-то за городом, это было тягостно для нас, заподозрив в нас малодушных слюнтяев, нахальные торговцы тащились за нами по пятам, призывая купить какие-то некрасивые пуховики ядовитых расцветок, как они уверяли, на «чистом лебедином пуху». Уже на выходе с рынка дорогу нам преградил не слишком трезвый киргиз с неслабым мешком каких-то ботинок. Предложение выглядело, на его взгляд, заманчиво – забрать весь мешок, не пересчитывая ботинки. Цена при этом всё же

фигурировала, но Блэкмор, склонный к импульсивным решениям, не торгуясь, забрал этот мешок Шрёдингера, резонно, как он думал, рассудив, что иначе мы вообще уедем ни с чем. Следующие пару дней мы колесили по рынкам, скупая чудовищные перчатки на заячьем меху, женские, как их называли, «кардиганы», превращавшие одетых в них девушек в старушек, шарфы мохеровые и пуховики на «лебедином пуху». Но бюджет был практически не израсходован, и нам требовалось радикальное решение вопроса. В итоге Блэкмор вспомнил, что в основе любого крупного состояния лежит какое-нибудь преступление, и вышел на своего одноклассника, проживающего теперь в этом городе. Встреча состоялась на квартире у Троцкого, как называл своего приятеля Блэкмор. После молниеносного мозгового штурма Троцкий пересчитал оставшиеся у нас деньги и выдал нам товар. Он заверил нас, что в мешке, размером со среднюю подушку, находится самая ароматная во всей Чуйской долине трава.

Наученные горьким опытом, на этот раз мы купили билеты в купе и ехали, лёжа на верхних полках. Периодически просыпаясь и отрезая себе по кусочку от большой палки сырокопчёной колбасы, мы опять погружались в здоровый паровозный сон. На границе по поезду пошёл слух, что сейчас по вагонам пустят пограничника с собакой, и мы с Блэкмором запаниковали. Подушку с товаром он положил себе под голову, и нужно было срочно придумать, как её спрятать. В поисках тайника мы дошли до дальнего тамбура, и там, увидев отсек для жидких отходов, спрятали своё добро прямо в эти помои. Подушка была упакована в пять полиэтиленовых пакетов, и мы были абсолютно спокойны за сохранность своего добра. Однако русская поговорка не зря гласит, что на любую преступную старуху бывает вполне справедливая проруха! Этим же утром ударил крепчайший мороз, и все наши попытки извлечь контейнер из замёрзших помоев успехом так и не увенчались.

С реализацией нашего добра трудностей не возникло, это была молниеносная операция, и в ней приняли участие все наши друзья и знакомые. Был вопрос к ботинкам, найти два одинаковых в этом мешке оказалось невозможным, но умелый маркетинг помог решить и этот вопрос. Если вам встречался на улице человек неформального вида в разных кроссовках (в американских фильмах их носят негры, как раньше называли афроамериканцев), то, вероятно, это был именно наш клиент. В процессе реализации мы с Блэкмором несколько раз лично стояли на вещевых рынках города, и это был бесценный опыт в процессе познания общества.

Достоин упоминания парень, долго примерявший монструозные кожаные перчатки на кроличьем меху, и в итоге их не купивший, по какой-то причине ему показалось, что они летние. Совсем отдельная тема – милиционер, присматривавший за рынком. В первый же день он вручил мне огромную упаковку жвачки с наказом продать как можно быстрее. На следующий день мне же было поручено продать несколько блоков сигарет. Всё было продано молниеносно, и, увидев его, слоняющегося по рядам, я спросил, нет ли у него на продажу дефицитных в то время алкогольных напитков. (В тот исторический период недорогую водку можно было купить только в специальных отделах, предъявив талончик, выданный по месту прописки.) К моему удивлению, он ответил, что торговли пока не будет, так как он отдал товар каким-то прохвостам, а они тут же скрылись. Мои намёки на то, что это был я, он проигнорировал.

– Те были с кардиганами, а вы с ботинками!

Я всё же уговорил незадачливого спекулянта забрать деньги, и в дальнейшем, увидев меня, он всегда подходил и шутливо говорил:

– А, это ты, привет, аферюга!

Новелла пятая

Сергей вспоминает авантюрные проекты своей фирмы

– В свете учения о прибавленной стоимости, не зная, что делать с выручкой, осенью 1994 года мы решили отправить человека в Керчь заключать контракт на поставку кильки. Выбор пал на Устинова. Однако вместо кильки он неожиданно прислал факсом счёт на эмалированные кастрюли Керченского металлургического завода. Через неделю прибыли вагоны с посудой. Несмотря на наш скепсис, часть кастрюль быстро нашли покупателей, а оставшийся вагон с маленькой тележкой Устинов загрузил в КамАЗ, на котором со своими новыми друзьями узбеками отправился в Фергану. Да, была в истории фирмы и внешняя торговля! На авантюру его подбил сосед, ферганский кореец по фамилии Ю. Он был членом группировки, продававшей в Ульяновске узбекскую редьку и прочее восточное добро. Дело верное, говорили они, вы платите только за солярку, говорили они...

По их замыслу Устинов в Фергане должен был обменять кастрюли на урюк и извлечь из этого немалую прибавочную стоимость. (Учение Маркса проникло и в Ферганскую долину, покоров местных дехкан). О, если бы мы на тот момент знали, что значит загадочное слово «хоп», которым эти люди закругляют любое соглашение! Дядя Ю утверждал, что эта формула сродни подписи нотариуса под договором о наследстве, однако жизнь показала, что азиат, говоря тебе «хоп», думает следующее:

– Ну вот, с этим простофилей, похоже, пока проблем нет!

КамАЗ выехал в мае, но ни в июне, ни в июле никаких вестей от Устинова не было. Жена подала в розыск, однако всё прояснилось только в конце сентября, когда вся экспедиция вернулась обратно. Устинова было не узнать. Месяцы, проведённые в неторопливой мусульманской среде, наложили на него отпечаток покорности и упования на милость Всевышнего. На все вопросы он отвечал «бисмилла рахман рахим» и «хоп», европейский темп и тип мышления возвращался к нему медленно, но вскоре мы узнали, что ничего не случилось, просто КамАЗ постоянно ломался, и ехали они очень долго. Потом были проблемы с реализацией кастрюль, а весь урюк в Ферганской долине был съеден долгоносиком. В итоге посуда была конвертирована в матрасный тик, бязь и фланель.

Коммерческий гений Бармакова позволил пристроить матрасный тик в исправительные структуры для шитья матрасов, а прочую мануфактуру – на предприятие «Красная Роза», использующее труд инвалидов. Не говоря о том, что у каждого из нас до сих пор хранится пара рулонов этого экологичного продукта.

После этого приключения пути компаньонов начали потихоньку расходиться. Гарин ушёл от нас к своему товарищу в успешную фирму с госконтрактами. Бармаков пытался привить нам тему евроремонта, и ещё пару лет по офису ходили наши сантехники, а меня изредка просили постоять с рацией в подвале многоэтажки, чтобы вовремя перекрыть воду. В один прекрасный день мы поняли, что это не наше. Поводом послужили и сантехник, залезший в кирзачах с прилипшим к подошве гравием в ванную за 10000 \$, и самопровозглашённый мастер по укладке паркета, запоровший пол в квартире площадью 180 метров. А апофеозом был демарш заказчика, пожелавшего обустроить на площадях общего пользования личный висячий зимний сад площадью 2 сотки, примыкающий к этой квартире. Идя у него на поводу, мы с Бармаковым смогли согласовать в архитектуре проект всех этих излишеств, но вмешалась общественность подъезда, и его высокое положение руководителя учебного заведения

оказалось под угрозой. Нужно отдать ему должное, в финансовом вопросе он оказался более чем порядочным, оплатив загубленный паркет и все работы по обустройству и демонтажу зимнего сада, но спасение его репутации и репутации органов, выдававших разрешение, требовало именно нашей крови, крови никому не известных и не нужных начинающих предпринимателей. На этом эпизоде евроэтап нашей деятельности был завершён, и Бармаков покинул нас вместе со своими кафельными магазинами. Сейчас он владелец успешного предприятия по переработке вторичного алюминия.

Таких хлопотных и безобидных авантюр в моей жизни было много, но настоящая авантюра была впереди. Начинался новый век, и он оказался новым во всех отношениях. Если раньше я привыкал к тому, что я уже не авиационный конструктор, а владелец автосалона, то в год миллениума у меня взлетел и немедленно стал в строй первый самолёт. Случилось это незаметно, глядя на моих друзей дельтапланеристов, я начал финансировать постройку самолёта и вскоре втянулся в этот процесс. В коридорах различных авиационных ведомств я теперь проводил времени больше, чем в своём кабинете, и речь там шла о лицензировании и сертификации нашего воздушного судна для проведения авиационных работ. К началу сезона 2001 года пара наших самолётов была готова к битвам с жуком кузькой и нехорошими болезнями у растений. Я знал о проблемах неплатежей, поэтому командиры наших судов не начинали работу без надлежаще заключённого сильнейшего договора, разработанного нашим лучшим юристом! Мои друзья-дельтапланеристы решали проблему неплатежей при помощи бартера, все их мастерские, гаражи и даже квартиры были заполнены бочками с растительным маслом, куриным яйцом, мешками с мукой и прочими бакалейными подробностями, и большая часть деятельности у них была связана с реализацией этого добра. По завершению сезона я с ужасом обнаружил, что наши сильнейшие договоры не работают! Вся система хозяйствования была построена вокруг возврата крестьянином банковского кредита на посевную и уборочную кампании, и, несмотря на оперативно выигранный арбитраж, исполнительный лист был лишь бесполезной красивой бумагой, не вписывающейся в правила этой большой игры государства с земледельцем. Мои должники, в принципе, платить не отказывались, но денег у них не было, а зерно уходило на погашение государственных кредитов. Решение пришло само по себе в один прекрасный день, после безуспешного визита с исполнительным листом в деревню Сюдюково.

Приехав на колхозный ток, я наблюдал, как пайщики крестьянско-фермерского хозяйства получали свои паи. Кто-то приехал на узике, кто-то на телеге, было много женщин с маленькими тележками, инвалид на одной ноге с костылями командовал стайкой своих внуков, пристраивающих мешки с зерном на небольшую тележку. Появившийся председатель объяснил мне, что для хозяйства будет большой удачей, если до нового года удастся выдать зерновые паи всем пайщикам, а в качестве компенсации за потраченное время предложил пообедать в колхозной столовой. Это был маленький павильон с сырым земляным полом, по которому в одних колготках бегал маленький сынишка поварихи. Накормили меня жидким супом с листиком капусты на первое и макаронами с растительным маслом на второе. Эта отчаянная бедность шокировала, грустная повариха рассказала, что их управляющий – настоящая гиена, он открыто грабит хозяйство, оставляя на месте успешного колхоза выжженную пустыню. Правила игры пришлось немного изменить. Для начала я побывал на крупном элеваторе и выяснил, что зерно от рядового сдатчика обязательно будет нетоварным, если не позаботиться о его судьбе заранее. Взявший надо мной шефство местный зерновой барон низшего звена по имени Радик сразу познакомил меня с заведующей лабораторией Оксаной Мальцевой. Он не стал скрывать, что перепробовал несколько подходов к заведующей и даже приглашал её на ночь в местный отель «Орхидея», но в его пшенице и после этого клейковины не приба-

вилось, так как Оксана Евгеньевна посчитала, что в результате акции он получил удовольствия больше, чем сама Оксана Евгеньевна.

– Сергей, – говорил он, – если у тебя много зерно (смешной татарский прононс, мой водитель Ренат так же смешно говорил: давайте продадим самолёт, вместо него купим СЛОН (!) и будем показывать его за деньги, толку будет больше!), то нам с тобой нужно дружить! Приглашение в «Орхидею» от Оксаны я получил в тот же вечер. Нельзя сказать, что я был целомудренным мужчиной, к тому же в словаре нормального джентльмена слово «нет» стоит в самом конце списка, но совсем недавно у меня появилась новая семья, а год назад родился сын. Поэтому, увозя симпатичную Оксану Евгеньевну навстречу приключениям в провинциальном отеле, я очень надеялся, что вопрос решится цивилизованно. Так оно и случилось, ещё по дороге в гостиницу Оксана позвонила свекровь и сообщила, что её пятилетний сын упал с горки и повредил ключицу. Так что вместо деловой встречи в номере провинциальной гостиницы я до самого утра мотался с ними между скорой, травматологией и домом Оксаны.

В те доисторические времена при покупке номера трубку давали в подарок, и следующим моим шагом стала покупка десятка сотовых телефонов. Их я раздал десяти водителям КамАЗов-зерновозов, с которыми меня познакомил тот же Радик. Счастливой случайностью стало то, что в бухгалтерии элеватора работала женщина, некогда знавшая моих родителей. Она наткнулась на мою фамилию в договоре, нашла меня и рассказала, как двадцать лет назад юная Наташа Малиновская вышла замуж за военного и уехала из нашей Доманёвки в татарские Бурундуки. Так, совершенно случайно я получил возможность доступа к информации о зерновых счетах своих дебиторов. Я своевременно узнавал о том, кто из моих должников выполнил обязательства перед банком и государством, и теперь ссылающийся на ограничения должник получал от меня порцию презрения и выписку из бухгалтерии. КамАЗы начали потихоньку курсировать между хозяйствами и элеватором. К концу сезона зерна на нашем счету было столько, что мне пришлось нанимать не только лицензированного менеджера от РЖД, но и зафрахтовать баржу в грузовом порту Тетюши. Чёткость работы этого конвейера не осталась незамеченной, к тому же мне везло на различные коллизии, в которые я попадал каждый божий день. Вот я вместе с Наташей Малиновской разыскиваю в притонах дальнего Засвияжья её непутёвого сына, а вот мой сверкающий хромом «Кадиллак» едет к моему новому знакомцу Радик для сопровождения его свадебной церемонии! Но больше всего мой авторитет укрепился после решения одной проблемы. Состав с зерном, отправленный с элеватора, за несоответствие в карантинном сертификате был заблокирован службой фитоконтроля на границе какого-то субъекта РФ, и, по правилам, требовалось вернуть его обратно на элеватор для спецобработки. Срочно созванная комиссия решила немедленно возвращать состав, но я связался со своим лицензированным менеджером, а у него очень своевременно оказались пломбы и полномочия для вскрытия и опечатывания вагонов. Молниеносно проведённая им работа по обработке зерна какими-то препаратами сэкономила владельцам элеватора миллионы рублей, а наша компания стала его надёжным партнёром со многими вытекающими из этого факта последствиями! В частности, имея на счету сто тонн пшеницы, я, при необходимости, мог отправить покупателю двести тонн! Человек, знакомый с этой темой, усомнится в том, что двумя самолётками можно заработать такие объёмы, но не зря этот рассказ именно про авантюру. В этой зерновой эпопее подвохи есть везде, их множество, в каждом звене цепочки от землепашца до производителя булочки с повидлом, иначе бы я рассказывал её в разделе о том, какой несправедливой бывает порой наша жизнь! Поэтому мои контрагенты, убедившись в том, что полученное от них рациональное и даже не очень рациональное зерно я не только провожу как продовольственное высшей категории, а потом не просто пристраиваю его покупателю, но и сразу же получаю от него деньги, проникались доверием к нашей компании. Узнав же о том, что все оказанные нам в ходе этого процесса услуги моментально опла-

чиваются, они начинали испытывать к нам дружбу и даже любовь! В реальности это выглядело так: к должнику приезжал один пустой КамАЗ, а уезжало на эlevator уже несколько машин с зерном. Колхозные пайщики, вместо того, чтобы клянчить в кассе правления свои несчастные копейки, объединяли свои зерновые пай и с благоговением просили меня позаботиться о судьбе своего личного зерна!

В ту осень мне часто приходилось оставаться на ночь в деревне, и я до сих пор горжусь тем, как мне мимоходом удалось наладить судьбу семьи Оксаны Евгеньевны. Понимая, что вся моя жизнь в этих Бурундуках протекает под её пристальным взглядом, я просто был вынужден наладить их отношения, которые они с её мужем Виктором так долго и со вкусом разрушали. Виктор продемонстрировал свойство быстро наталкивать людей на правильное решение, и это его умение очень помогло и мне наладить работу с должниками. Достаточно было усадить его за руль старого брутального «Чероки» и познакомить с моими неплательщиками. За несколько месяцев из гуляки и хулигана он превратился в примерного отца семейства, ровно в 17:00 забирающего своё чадо из детсада на личном автомобиле!

Эта сельская эпопея продолжалась несколько сезонов, зерно конвертировалось в банковские векселя, на них покупались товарные машины для автосалона, стоящие на стоянках автомобили нравились банкам, и они довольно охотно выдавали кредиты на закупку новых партий. Но, несмотря на кажущуюся идиллию, этой схеме не суждено было существовать вечно. Мои слабые нервы и моё врождённое чистоплюйство подвели меня, как только первая же осенняя распутица и непогода сорвала нарядный летний шарм с картины деревенской жизни. Неожиданно я увидел, что обитатели маленьких сёл наделены чем-то, что позволяет им с надеждой смотреть в будущее, несмотря на крохотную зарплату и чудовищную неустроенность. Стало понятно, что в эту вселенную я попал по какой-то случайности, и она, по мере узнавания, начала потихоньку отторгать инородное тело, которым я оказался для неё и её обитателей. Приехав однажды в совсем небогатое хозяйство в селе с красивым названием Пролей-Каша, я увидел, что платить за наши услуги им совершенно нечем. Грустный председатель рассказал, что подписал договор под нажимом коммерческой структуры, внедрявшей в районе какую-то сомнительную программу. Суть её заключалась в том, что все обязаны были приобретать у этой структуры, связанной с крупным банком, чудо-препарат для обработки растений, изготовленный из куриного помёта. Не скрою, что мы тоже подписали договор с этой структурой, но ничего, кроме неплатежей, работы по этому договору нам не давали. Через пару лет её деятельность в связке с этим банком была пресечена правоохранительными органами, банк лишён лицензии, а его управляющий осуждён. Мой дебитор, несмотря на отчаянное положение в его хозяйстве, задолженность не отрицал и предложил хоть как-то урегулировать вопрос. Мне была предложена старенькая и не очень упитанная коровка, и её, недолго думая, зарубили прямо в колхозном коровнике. Я был ошеломлён этой молниеносной операцией, сама мысль о том, что с моего молчаливого согласия только что не стало живой души, которой ещё жить бы да жить, была невозможной. Окончательно добило меня то, что вокруг туши, откуда ни возьмись появилась стайка детишек, они стояли и заворуженно смотрели на то, что только что стояло, помахиало хвостиком и мирно мычало. Когда ко мне подошла уже большая девочка с синдромом Дауна и попросила кусочек мяса, я начал понимать, что таких, как я, можно посылать куда угодно и даже в космонавты, но только не туда, где взыскивают долги. Пришлось заплатить рубщику, он по моей просьбе нарубил порции по несколько килограммов, сарафанное радио разнесло по деревне информацию, что на ферме раздают мясо, и больше к этому вопросу я не возвращался! Я ещё долго бороздил просторы Тетюшского и Буинского районов, рассчитываясь с крестьянами за их зерно и покупая ботинки босоногим детям, но основные полномочия по обслуживанию нашей дебиторки я передал своим товарищам. Теперь же

об этой эпопее вспоминаю очень редко. Иногда, раз в десять лет, проездом из Ульяновска в Казань остановившись в какой-нибудь деревушке и зайдя за сигаретами в крохотный магазинчик на окраине вселенной, вдруг слышу от совершенно незнакомого человека – пропустите Сергей Иваныча, проходите, Сергей Иваныч, как вы поживаете...

– Да, Сергей, я заметил, что тебя всегда пропускают без очереди, но думал, что это связано с преклонным возрастом, – Андрей, в ожидании своей очереди занять место рассказчика, уже разносил дижестивы, а его язвительное замечание, возможно, было связано с тем, что Сергей, единственный из всей компании, вместо затейливых коктейлей или 30-летнего ОС всегда заказывал 150 мл водки. Напиток при этом он внедрял всегда залпом, а не растягивал его на всё время очередного рассказа. Одним из условий Микицки был безоговорочный запрет проявлять инициативу в этом алкогольном вопросе, а тем более наливать напиток самостоятельно. Предложение о принятии аперитива или дижестива могло исходить исключительно от дежурного по лагерю, а остальные участники экспедиции при этом могли только согласиться или же отклонить его идею. К чести коллектива, в Леночкино дежурство, когда она, возмущённая отсутствием в ассортименте мартини экстра драй, ни разу не предложила друзьям дрим-паузы, никаких роптаний замечено не было.

Новелла шестая

Костя рассказывает об одной не совсем удачной шутке

– Моя авантюра прошла за компьютерным столом, и в процессе этой авантюры, Серёжа, между прочим, ни одно животное не пострадало! Но в этом, пожалуй, её единственное достоинство. Дело было в доперестроечные времена, когда я работал конструктором на славном авиазаводе в Ульяновске. Мой плазово-шаблонный цех был расположен в западном торце цокольного этажа огромного корпуса длиной в пару километров. Доступ в цоколь обеспечивали несколько подземных галерей, от восточного до западного крыла их насчитывалось штук пять. Придя на работу и вспомнив, что не шутят первого апреля только в управлении главного конструктора, я подозвал свою разметчицу и шепнул ей на ухо, что в первом восточном подземелье делают прививки от гриппа. Чтобы у читателя не возникло ощущения, что житие инженера на авиационном заводе было лёгким и весёлым, на мгновение перенесёмся в 1984 год.

Вот ваш покорный слуга, ещё вчера беззаботный студент, на пару минут замешкался на рабочем месте. Не помню, что тому было виной, скорее всего, со среды не было времени посмотреть бюллетень футбол-хоккей, а дома атмосфера этому не способствовала, сыну Кириллу было пару месяцев, и вся вселенная вращалась вокруг этого в меру спокойного шкета. Снял халат и переобувшись, я предвкушал поход на молочную кухню, но пятница – это день сюрпризов, и мой сюрприз поджидал меня на выходе. Сам начальник производства Павел Карпыч Колоша схватил меня за рукав и твёрдой и решительной рукой вручил ПРИКАЗАНИЕ. Нужно пояснить, что приказание – это внутренний документ предприятия, подлежащий немедленному исполнению, и на мои возражения и отговорки, что, мол, я этого ещё не проходил, был дан однозначный ответ – больше некому, все ушли! Суть вопроса сводилась к тому, что только что прибыл министр авиационной промышленности, и в его присутствии надлежало произвести стыковку фюзеляжных секций самолёта «Руслан». Всё было готово, кроме огромных кондукторов в виде стального листа с дырой посередине, в форме контура поперечного сечения фюзеляжа. Вот их-то и предстояло мне изваять при помощи наших цифровых технологий. Технологии эти мне в теории были известны, в местном облаке хранилась матмодель «Руслана», из неё я кое-как выкроил геометрию кондуктора и составил управляющую программу для лазерной обработки на станке. На изготовление кондуктора у слесарей ушло около часа, всё это время я нервничал, о том, чтобы уйти домой, не было и речи. Когда всё это добро смонтировали на стапели, и установленные на нём лазерные ловушки помогли успешно состыковать секции, а министр удовлетворённо крикнул, меня отпустило. Точно не помню, но наградой за мои труды был, скорее всего, отгул.

Но вернёмся к первоапрельской шутке! Передав разметчице информацию о прививке, я надел белый халат и удалился на плаз. Перед обедом по громкой связи меня неожиданно вызвали к начальнику цеха. Подняв голову, я увидел, что в цехе подозрительно пусто. С плохим предчувствием я зашёл в высокий кабинет. Геннадий Васильевич долго смотрел на меня тяжёлым взглядом, и, когда я уже собирался провалиться под землю, он вдруг начал истерично смеяться. Проржав несколько минут, он вывел меня из кабинета и повёл в сторону восточного крыла. Вся центральная аллея кишела народом, а из галерей прибывали всё новые партии. Сарафанное радио на заводе сработало, как звёздный пеленгатор на «Руслане». Несмотря на грандиозность инцидента, я отделался выговором по комсомольской линии.

Новелла седьмая

Андрей признаётся своим товарищам в том, что авантюрист из него никакой

– Слушая ваши рассказы, я плакал и смеялся, и одно чувство не покидало меня – я чужой на празднике жизни, на который были приглашены вы, и на который, почему-то, забыли пригласить меня... Первым рискованным предприятием в моей жизни, похоже, стал мой план по обольщению студентки Виолетты из параллельной группы. Она мне очень нравилась, и однажды я решился на активные действия. В конференц-зале главного корпуса шёл фильм «Ромео и Джульетта» Франко Дзеффирелли, и я, недолго думая, за 10 минут до показа купил два билета. Я рассчитывал на удачу и стоял в ожидании, что моя любовь, пока что не подозревавшая о моём чувстве, будет проходить мимо, а я предложу ей второй билет! Ты, дорогой читатель, конечно уже догадался, что план слабый, но всё было ещё хуже. Виолетта действительно пробежала мимо с какой-то подружкой, но как раз в это время билеты закончились, и добрая билетёрша тормознула их и, подмигнув, запустила в зал бесплатно. Я пошёл за ними, но подружки быстренько заняли два моих места, и мне пришлось смотреть кино, сидя на лестнице между рядами. Забегая вперёд, скажу, что Виолетта всё же обратила на меня внимание, и мы даже поженились, но союз наш был непрочным, так что нам с ней пришлось расстаться.

Возможно, что истоки моего отношения к авантюрам берут своё начало в китайском трактате «Дао Дэ Цзин» и, конечно же, в Нагорной проповеди. Первый даёт понять, что «мудрый стремится освободиться от стремлений, не ставит высоко то, что добывается с большим трудом, учится быть неученым, возвращается к тому, мимо чего проходят обычные люди. Основа благополучия всей тьмы вещей состоит в том, чтобы следовать тому, что даётся, и не стремиться определить исход дела заранее» (Дао Дэ Цзин, стих 64). И в Нагорной проповеди Иисус так же недвусмысленно указывает нам на особенность материальной составляющей нашего с вами бытия – «ведает Отец ваш, в чём имеете нужду, прежде, чем вы станете просить у Него».

Новелла восьмая

Варвара рассказывает о том, что людям надо верить

– Возможно, кто-то из вас не знает, что я – председатель совета директоров группы компаний «Милый дом». Но так было не всегда. Рассказ мой будет о временах, когда я трудилась в одной, не очень большой, риелторской фирме. Авантюра, о которой я расскажу, происходила в среде таких человеческих экземпляров, которым никогда и в голову не приходило просить чего-нибудь у небесного Отца. Кто знает глубину мотивации владельцев похоронных контор, микрофинансовых организаций «быстроденьги» или коллекторских агентств? Я уверена, что среди них найдётся масса достойнейших и добродетельнейших людей. Да не их ли это клерки, обсуждающие между собой очередного бедолагу, вздёрнувшегося вчера на дверной ручке пока ещё принадлежавшего ему санузла по причине невозможности выплатить свой неожиданно достигший макроразмера микрокредит, зачастую сами своим невниманием загибают в петлю подобного заёмщика? Кто знает, кто знает... История проста, как пистолет Макарова, и молниеносна, как его выстрел. В один из неопределённых июньских дней, когда солнце уже несколько дней подряд отгорожено от земли плотными слоями туч, и люди зябко ёжятся, наблюдая промытые дочиста и натоптанные до блеска грунтовые тропинки на газонах, а жизни радуются только растолстевшие до неприличия дождевые червяки, мне позвонила коллега. Суть её дела сводилась к тому, что ей нужно срочно уехать из города, а завтра у нотариуса должно состояться подписание сделки. Коллегу звали Инна, она была чем-то взвинчена, сказала, что звонит из другого города, и попросила меня поприсутствовать на сделке вместо неё, объяснила, где мне следует забрать пакет документов, и положила трубку. Изучив документы, я увидела, что сделка состояла в продаже нескольких домовладений в одной из префектур города, а покупателем их всех выступал один человек, действующий по доверенности. Продавцов тоже представляло лицо, на которое были оформлены доверенности от всех владельцев недвижимости. На следующий день, когда все папки были уже разложены на столе у нотариуса, мне неожиданно позвонила Инна и взволнованным голосом попросила уточнить, нет ли среди домовладений, участвующих в сегодняшней сделке, объекта с адресом пос. Свиристёлово, улица Скворечная, дом 19. Подтвердив наличие такого адреса, я получила от Инны приказ в несвойственной ей манере: Варя, под любым предлогом отмени подписание, это аферисты! То, что эта сделка похожа на аферу, и так было видно за версту, но приказ есть приказ, и я, сославшись на обстоятельства непреодолимой силы, собрала документы, извинилась и, на ходу объясняя фигурантам, что к обеду свяжусь с ними, покинула помещение. Отвратительным был тот факт, что увязавшийся за мной представитель покупателя с откуда-то взявшимся неизвестным с ходу предложили мне один миллион баксов наличными, в случае если я найду возможность провести сделку сегодня! Дело принимало нехороший оборот, и я, пообещав сделать всё возможное, поспешила скрыться. В конторе меня ждала коллега Инна, оказалось, что эта кошёлка чуть собственноручно не продала аферистам родительский дом. Доверчивые родители при первом же удобном случае отписали его неизвестному, пообещавшему вписать их в какую-то заманчивую программу. Её матушка заподозрила неладное, но отец задавил её своим авторитетом, настояв на подписании.

Первой мыслью было, конечно же, идти в милицию, писать в прокуратуру и в газеты, но было ясно, что родительский дом Инны при таком подходе мы спасти не успеем, сделка состоится с другим риелтором, да и перспективы наказания мошенников не так уж реальны. Через час вся фирма собралась в переговорной. Ещё через час решение было принято. Старая мудрая Василиса Семёновна, сказав «всем ша», набрала чей-то номер и, сохраняя тишину

поднятой вверх рукой, тихо с кем-то поговорила. Я сидела рядом с ней и в общих чертах суть разговора уловила. Она состояла в том, что человек на другом конце провода в прошлой жизни ухитрился до сих пор не выполнить её просьбу в дурацкой игре «беру и помню». Было и что-то ещё, и это что-то позволяло ей изложить свою просьбу в виде приказа. Ещё через час к нам присоединился неизвестный с бесцветным взглядом, внимательно изучил документы и поговорил с Инной и со мной. Речь его была отчётливой и беглой, глядя чуть ниже и правее моего лица, он сказал, что на сделку пойду я, и попросил позвонить аферистам и договориться на послезавтра у того же нотариуса. Моему возмущению не было предела, но тут наши взгляды на секунду встретились, и одновременно с пониманием причины, по которой незнакомец экономил мою психику и не спешил лишний раз смотреть кому-то в глаза, пришло понимание, что некая стихия уже приведена в действие. А мне остаётся дожидаться и сделать своё дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.